

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ФОРМА И ЦЕЛЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© 2012 г. Иван Анатольевич Клепицкий¹

Краткая аннотация: важная задача науки уголовного права – содействовать правильному (справедливому, разумному и эффективному) применению закона в условиях кризиса правовой системы. Судейское и полицейское усмотрение по вопросам факта позволяет во многих случаях обеспечить правильное применение неточного закона. Правильное толкование (в том числе ограничительное и расширительное) непонятного закона позволяет избежать ошибок при его применении. Доктрина и практика позволяют устранить правовую неопределенность, не прибегая к аналогии.

Annotation: the important problem of criminal law theory is to promote correct (fair, reasonable and effective) law enforcement in the conditions of crisis of legal system. The judicial and police discretion on question of fact in many cases allows to provide correct application of inaccurate statutes. Correct interpretation (including restrictive and broad interpretation) of incomprehensible legal texts allows to avoid its incorrect execution. Juristic writings and judicial decisions allow to eliminate legal uncertainty without using analogy.

Ключевые слова: качество закона, методология науки уголовного права, судейское и полицейское усмотрение, ограничительное и расширительное толкование уголовного закона, правовая неопределенность, аналогия.

Key words: quality of statutes, methodology of researches in the criminal law, judicial and police discretion, restrictive and broad interpretation of penal codes, legal uncertainty, analogy.

«Противозакония часто совершаются в связи, так сказать, с извращением права и в связи с его не в меру тонким, но злостным толкованием. Вот почему выражение: “Высший закон – высшее противозаконие” – уже стало избитой поговоркой».

Цицерон. “Об обязанностях” (I, 10, 33).

“... Чинил по уставу воинскому, однако ж то его оправдать не может, хотя то и не писано, ибо там порядки писаны, а времен и случаев нет, того ради ему надлежит рассуждение иметь...”.

Петр Великий. Пункт, писанный рукою Его Величества в приложение и противность Воинского устава.

“– Да ведь Канта же опроверг Кант? Ты о Конте ведь?”

– Не о Конте, папаша, о Канте!...”.

Андрей Белый. “Петербург”.

Уголовное право в условиях кризиса правовой системы

В течение последних десятилетий наметились и получили развитие негативные явления в правовой системе России, серьезно затронувшие материю и форму уголовного права, юридические профессии, юридическое образование и науку уголовного права.

Пожалуй, наиболее заметное проявление этого кризиса – неустойчивость закона и снижение его качества².

В части юридических профессий главная беда – дисфункция системы уголовной юстиции, утрата ею общественного доверия. Рост материального благосостояния, политического и административного ресурса полиции (и иных элементов системы), к сожалению, не ведет к заметному росту ее эффективности. Происходит её отчуждение от общества на фоне бюрократизации и коррупции государственного аппарата. Отчуждение это порой достигает уровня враждебного противостояния.

В системе уголовной юстиции самым здоровым звеном остается судебная система, но и тут не все благополучно. Несмотря на проведенные реформы не удалось преодолеть “обвинительный уклон”. Опасаясь обвинений в коррупции и конфликтов с правоохранительными органами, судьи крайне редко выносят оправдательные приговоры, причем за последние годы наметилась тенденция

¹ Профессор Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук (E-mail: oupi@yandex.ru).

² См., например: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Точечное реформирование уголовного закона: пределы, возможности, цели // Росс. криминологический взгляд. 2011. № 1. С. 339 и далее.

к снижению их удельной доли. В судейской среде бытует выражение “отписать дело”. При таком подходе к отправлению правосудия закономерен вопрос: кто же реально его отправляет, суд или полицейский, принимающий решение о возбуждении дела или об отказе в его возбуждении?

Проблема *юридического образования* связана с заметным снижением его качества, утратой навыков правильного понимания и применения закона, разрушением правовой культуры и профессиональной этики. При этом на юридических факультетах далеко не всегда происходит реальная профессиональная инициация, приобщение к профессии. Нередко студент приобретает лишь фрагментарные знания, которые быстро теряют актуальность и забываются. Ценность общественного служения правоведа отвергается и подменяется отношением к юридической профессии как к ремеслу, дающему возможность легко зарабатывать, сделать карьеру и т.п. Проблема эта зашла столь глубоко, что юристы разных поколений уже с трудом понимают друг друга. Факторы разрушения юридического образования очевидны – из индивидуальной творческой работы оно превратилось в массовое производство дипломов и подчиняется законам рынка. Реформа образования способствует его деградации, смещая акценты с результатов на сам процесс “обучения”: “рейтинговая” система; чудовищная педагогическая нагрузка; тотальная бюрократизация; неоправданно узкая специализация, разрушающая целостность профессионального правосознания юриста; снижение сроков изучения ключевых дисциплин, это правосознание формирующих (гражданского и уголовного права и процессов); некомпетентность многочисленных реформаторов. Нельзя забывать и о серьезном ухудшении условий труда профессоров и преподавателей, что имеет неизбежным следствием приток в профессию не лучших кадров. Если раньше на кафедры приходили люди мыслящие, творческие, способные к научной и педагогической работе, то сейчас нередко “должности преподавателей занимают” люди, не способные к успешной работе по юридической профессии. Они способны выучить конкретный учебник (по уголовному праву или любой другой дисциплине) и контролировать его заучивание студентами. Их устраивают низкая зарплата, реально соответствующая их квалификации, и огромная нагрузка – собственно, им нечем занять себя в то время, которое они считают “свободным”.

Наука уголовного права также переживает сложные времена. Уже в советское время тоталитарное государство с его официальной идеоло-

гией не способствовало развитию юридической науки. Долгожданная свобода и упразднение официальной идеологии повлекли методологический кризис. “Материалистическая диалектика” утратила актуальность. Приемлемую замену ей в качестве методологии не удалось найти ни на мировоззренческом, ни на научном (в позитивистском смысле) уровне. Не только феноменология и герменевтика прошлого столетия, но и старая немецкая классическая философия непонятны многим современным исследователям. Выхолощенная общая теория права их также не интересует, они легко отвергают её основы (которые им непонятны), ссылаясь на свободу научного исследования. В лучшем случае в методологическую основу научного исследования ложится “здравый смысл” с его темными сторонами. Иногда абсолютизируются формальная логика, математика или грамматика. В этом случае начинаются псевдонаучные дискуссии по поводу толкования союзов “и”, “или” и “и (или)” и им подобные, результаты которых, как правило, вредны для юридической практики. Отсутствие методологии рождает закономерный вопрос о “научности” правоведения, самой возможности правоведения как науки.

Стирается грань между научным и бытовым познанием. Более того, разумной домохозяйке свойственно более здравое рассуждение по вопросам права, нежели научным работникам, по “должности” обязанным производить идеи, отличающиеся новизной и оригинальностью. В “науке” методология подменяется лозунгами, а лозунговое мышление приводит к ошибкам. К примеру, один из самых популярных лозунгов – усиление борьбы с наиболее опасными преступлениями с одновременной декриминализацией менее опасных – широко пропагандируется и даже претворяется в жизнь, хотя и не вполне последовательно³. Но до какой меры оправданна эта тенденция? Уважаемым и известным правоведом было предложено, например, упразднить уголовную ответственность за все преступления небольшой и даже средней тяжести, что по сути означает легализацию воровства. Законодатель, к счастью, не услышал этого предложения. В Государственную Думу внесен законопроект об упразднении уголовной ответственности за оскорбление, предусмотрена административная ответственность за это деяние. Тем самым упраздняется частное обвинение по делам об оскорблении. Теперь, по-видимому, обязанность просматривать газеты и телепередачи будет возложена на участкового, который, обна-

³ Следует отметить, что при этом тяжесть преступлений также оценивается на “лозунговой” основе.

ружив “неприличности”, будет составлять протоколы. Уже запрещено применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам, совершившим преступления небольшой тяжести. Вопрос, как обеспечить безопасность потерпевших от побоев и прочих подобных посягательств невменяемых, стал риторическим. Упразднена уголовная ответственность за обман потребителей и ложную рекламу – в результате и без того неблагоприятный потребительский рынок быстро деградирует, фальсифицированные товары вытесняют доброкачественные, а покупка недвижимости или автомобиля становится весьма опасным мероприятием. Продавцы заманивают покупателей несуществующими товарами и довольствуются присвоением “задатков” этих обманутых покупателей. Конкуренция на рынках уже в принципе не может быть честной, в силу законов той же самой конкуренции честные торговцы разоряются. Подобных примеров можно привести множество. Типична ситуация, когда принципы права, как уже говорилось, подменяются лозунгами (либеральными или, напротив, радикально жесткими – для разных групп “электората”), что ведет к юридической энтропии.

Одним из последствий методологического кризиса в науке стал радикальный легализм при доктринальном толковании уголовного закона. Наука уходит от критического исследования содержания и значения уголовно-правовых норм, сосредоточившись на толковании закона, экзегетике даже не схоластической, а сугубо формально-грамматической. Право при этом рассматривается в качестве приказа власти, а основным предназначением науки становится уяснение “воли законодателя”⁴.

Все означенные проблемы тесно переплетены между собой. В целом они являются симптомами одной болезни – кризиса нашей правовой системы. В прикладном плане картина получается печальная. Мы имеем:

- 1) уголовный закон – неточный (не достигающий социально значимой цели), непонятный (не только для населения, но и для профессионалов) и при этом нестабильный;
- 2) дисфункцию системы правоприменения;
- 3) плохо подготовленных юристов;
- 4) кризис науки уголовного права.

⁴ Необходимо понимать, что “воля законодателя” – это юридическая фикция. Воля – психическое явление, свойство человека, продукт его мозга. Коллективный законодатель, к сожалению, не имеет единого мозга и воли в истинном ее смысле. Текст законопроекта зависит от множества случайных факторов, разрабатываются они по поручению, а принимаются в силу партийной дисциплины.

Диагноз неутешительный. Тем не менее проблемы эти могут быть решены при наличии “политической воли” к их решению.

Проще всего решить проблемы с образованием. Юридическая профессия всегда была профессией элитарной. Далеко не всякого человека можно выучить на юриста. Для этой профессии нужны твердые нравственные принципы, чувство справедливости, чувство меры, умение работать с большими объемами информации, умение работать с людьми. Ввиду означенных проблем с образованием и наукой сегодня мы имеем много специалистов невысокой квалификации с дипломами и даже с учеными степенями юристов, что представляет серьезную опасность для правовой системы и общества в целом. Для этого требуется самоочищение, должно заработать правило “меньше, да лучше”. Этого со временем можно достичь законодательными и административными мерами. При зачислении студентов на бюджетные места нужно обеспечить реальный, справедливый и жесткий конкурс, а платное юридическое образование сделать дорогим и малодоступным. Лицензирование и аккредитацию юридических вузов следует проводить не на основании случайных придуманных чиновниками критериев, а с учетом реальных факторов, влияющих на качество образования. В частности, большое значение имеет объем аудиторной нагрузки преподавателя, количество закрепленных за ним студентов, размер оплаты его труда. И ни в коей мере нельзя вмешиваться в творческую педагогическую работу преподавателя, навязывая ему те или иные формы и методы обучения. Подобное варварство, когда чиновник учит профессора, как ему работать со студентами, в принципе должно быть искоренено.

Преподаватель права не имеет права быть “пролетарием умственного труда”, слишком важно для общества качество того продукта, который он производит. Право идеально по своей природе. Онтологически оно существует не иначе как в рамках общественного сознания, и прежде всего – в головах юристов. Поэтому состояние этих голов непосредственно определяет состояние права, как такового.

Кризис науки можно преодолеть теми же самыми мерами, дополнительно организовав научные связи с ведущими зарубежными научными центрами. Эти связи нужно понимать не как зарубежные путешествия чиновников, а как стажировку специалистов и совместную научную работу, направленную на получение конкретного научного результата (кстати, для такой совместной работы

потребность в поездках отсутствует с учетом состояния современных коммуникаций. На этом можно даже серьезно сэкономить). Соответственно, в части аттестации научных и педагогических работников полезно ужесточить требования к владению иностранными языками.

Сложнее решить проблемы с уголовным законодательством и правоприменением. Очевидно, что решить эти проблемы в первую очередь с учетом текущей ситуации не получается. Сначала нужно подготовить квалифицированных юристов (и, что важнее, уменьшить относительную долю “специалистов” невысокой квалификации), а затем уже обеспечить им доступ к законодательной и правоприменительной работе.

При этом следует отбросить утопическую мечту о совершенном законе. Закон – всего лишь текст, сумма высказываний с деонтической модальностью. Он не может быть совершенным в силу особенностей языка и мышления, в силу многообразия и сложности жизни, в силу заведомой неспособности языка охватить это многообразие и сложность, в силу заведомой неспособности формальной логики описать все важные жизненные процессы и закономерности. Формальная логика подобна арифметике. Арифметики достаточно для того, чтобы считать деньги (или арифметически складывать наказания, как это делают в США, где рыночные ценности лежат в основе правовой идеологии как на рациональном, так и на неиррациональном уровнях). Достаточность арифметики для счета денег вытекает из того, что деньги – это средство измерения, плод сознания человека. Но арифметика отстывает, как только сталкивается с реальностью мира. Она не годится даже для того, чтобы рассчитать элементарную балку в строительстве. Тут уже нужна алгебра с ее иррациональными числами, уравнениями, бесконечностями, пределами и т.п. и т.д. Как и арифметика, формальная логика и язык закона пасуют перед реальной жизнью. Самые хорошие законы при бездумном их применении могут оказаться вредными и опасными.

Наряду с фундаментальными свойствами закона, исключаящими его совершенство, нужно учитывать и преходящие обстоятельства, ведущие к снижению его качества, характерные для современного состояния нашего общества. Рассмотрим лишь один из таких факторов – внедрение демократических и псевдодемократических начал в область законодательства.

В течение последних столетий как в Российской империи, так и в СССР уголовное законодательство разрабатывалось бюрократическим путем.

При этом власть формулировала политические задачи, оставляя техническую законодательную работу ведущим ученым, квалифицированным специалистам в области уголовного права. Сейчас ситуация изменилась. Фабрики законопроектов – это уже не рабочие группы специалистов, создававшиеся ранее при Министерстве юстиции, а комитеты Государственной Думы. Соответственно, ключевой фигурой в области законодательства сегодня является не ученый-правовед, а депутат. Депутат, в особенности после перехода к пропорциональной избирательной системе, – это человек, мало заинтересованный в реальной законодательской работе и мало к ней пригодный. Главное его достоинство – приверженность партийной дисциплине, лояльность к руководству. Конечно же, для разработки конкретных законопроектов создаются рабочие группы, куда приглашают специалистов, но депутат остается ключевой фигурой в законодательстве. Он произвольно вмешивается в работу рабочих групп, не различая при этом политических и технико-юридических вопросов. При этом именно уголовный закон страдает более всего. На первый взгляд он весьма прост и понятен. Депутат, весьма далекий от юриспруденции, с осторожностью относится к сложным, объемным и непонятным для него гражданскому кодексу, процессуальным кодексам. Административное законодательство представляется ему скучным и неинтересным. К уголовному кодексу – иное отношение. Депутат не осознает, что простота и понятность уголовного закона – это плод многовекового развития уголовного права поколениями ученых-юристов. Понятное желание оставить свой след в законодательстве, по его мнению, проще всего реализовать именно в уголовном законе, что и влечет пагубные последствия для его качества.

Кроме того, в состав рабочих групп приглашаются, как правило, далеко не ведущие специалисты. В силу сложившейся бюрократической традиции принято обеспечивать в составе рабочих групп представительство вовсе не специалистов, а “заинтересованных ведомств”. “Заинтересованные ведомства”, в свою очередь, присылают опять же не лучших специалистов, а ненужных ведомству в текущей работе людей, снабженных начальством простыми инструкциями, направленными на защиту ведомственных интересов.

В свою очередь, квалифицированные специалисты, даже будучи приглашенными, далеко не всегда соглашаются участвовать в законопроектной работе. Работа экспертов в Государственной Думе не оплачивается или оплачивается символически.

Символически оплачивается и их основная работа в научных центрах и на кафедрах. Аудиторная нагрузка в юридических вузах за последние годы выросла катастрофически. Много сил и времени последнее время отнимают и проблемы, связанные с тотальной бюрократизацией образования и науки. При этом реально квалифицированным специалистам, способным к практической юриспруденции, приходится зарабатывать на жизнь вовсе не на основном месте работы и не в парламентских рабочих группах. У них просто не остается ни сил, ни времени для законотворческой работы. В результате в состав рабочих групп если и попадают специалисты, то это, как правило, именно те, которым нечем занять себя в то время, которое они считают “свободным”.

Весьма негативные последствия для качества уголовного законодательства связаны с его широким использованием в публичной политике в целях манипулирования общественным сознанием, когда декларируются те или иные лозунги (борьба с педофилами, коррупцией, наркоманией, экстремизмом, терроризмом и т.п.), после чего лозунг нужно “реализовать” в законе. Тем самым создается видимость решения тех или иных социальных проблем, которые, конечно же, при этом не решаются, поскольку уголовный закон не является эффективным средством их решения. На деле подобные акции направлены на то, чтобы отвлечь население от реально существующих важных экономических и социальных проблем, поднять рейтинг политического деятеля и т.п.

Наконец, нельзя не упомянуть крайне обострившуюся в последние годы проблему законодательной инфляции. Культурному юристу понятно, что большое количество принимаемых законов – это не благо, а зло, причем зло серьезное. Между тем парламентские лидеры с гордостью заявляют о сотнях принятых законопроектов, забывая при этом, что множество законов выливается в правовую нестабильность, в правовую неопределенность, в множество ограничений частной инициативы и свободы людей и с неизбежностью в низкое качество законов. Достойна восхищения исключительная работоспособность депутатов, позволяющая им успевать хотя бы читать те законы, которые они принимают. У граждан же, которым эти законы адресованы, в том числе и у юристов, нет возможности успевать знакомиться с принимаемыми в таком количестве законами. Их время занято другой необходимой и повседневной работой. Одним из факторов законодательной инфляции является увязка финансирования комитетов Думы и оценки эффективности их работы

с количеством разрабатываемых законопроектов. По существу, имеет место бюрократическая дисфункция парламента, когда законы принимаются для того, чтобы имитировать эффективную работу законодателя, что не может не сказаться на качестве законодательной работы.

Вывод прост – качество уголовного закона в обозримом будущем будет падать. С учетом этого обстоятельства важная задача уголовного правоуведения на текущий период – *научить правильно (справедливому, разумному и эффективному) применению некачественного (неточного и непонятного) и нестабильного уголовного закона.*

Закон и усмотрение при его применении

Как уже отмечалось, мечты об идеальном и совершенном законе утопичны. В законе нельзя учесть всего многообразия жизненных ситуаций, которое следовало бы предусмотреть при его применении. Причем уголовный закон является крайне острым инструментом, существенно ограничивающим права и свободы человека. Ценность права не отменяет ценности человеческой личности. Право существует для людей, оно – плод общественного сознания, его ценность относительна и вторична по отношению к ценности человеческой личности.

Поэтому разумный баланс формализации и деформализации необходим для уголовного права. Неизбежная неточность закона (в контексте достижения значимой социальной цели) рождает потребность оставить пределы судейскому (и не только) усмотрению при его применении.

С одной стороны, формализация вытекает из самой природы права как системы норм. Ценность формализации – это и есть ценность права, обособленного от морали, религии, здравого смысла и целесообразности. С другой – деформализация призвана обеспечить справедливость и целесообразность при применении правовых норм. Деформализация внешне проявляется в усмотрении при применении норм уголовного права. Судейское (полицейское и т.п.) усмотрение при применении права вовсе не является произволом и отрицанием права. Оно существует в рамках права, допускается и даже предписывается нормами права и призвано обеспечить его разумное, справедливое и целесообразное применение.

Усмотрение вытекает из правовых норм, предусматривающих те или иные дискреционные полномочия суда, полиции и иных органов и должностных лиц, применяющих нормы уголовного права.

Усмотрение уместно только по вопросам факта в отношении тех самых “времен и случаев”, которые не были учтены в законе. Поэтому, решая какой-либо вопрос по усмотрению, правоприменитель должен учитывать все значимые обстоятельства дела, в том числе и прямо в законе не названные. Вопросы факта входят в предмет доказывания по уголовному делу. Поэтому, принимая решение по усмотрению, правоприменитель обязан в мотивировке этого решения сослаться на конкретные факты, им установленные, на основании которых он принял то или иное решение. Если же суд ссылается в обоснование своего решения не на факты, а на предположения, не подтвержденные доказательствами, такое решение будет необоснованным (например, в качестве единственного основания отказа в условно-досрочном освобождении суд сослался на то, что осужденный не доказал своего исправления, не указав факты, на основании которых сделан такой вывод).

Круг обстоятельств, на которые вправе ссылаться правоприменитель при применении нормы уголовного права, не безграничен. Так, ст. 63 УК предусматривает исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств, которые могут учитываться при назначении наказания (что вытекает из систематического толкования этой статьи с учетом положений ч. 2 ст. 61 УК). Поэтому состояние опьянения, к примеру, не может учитываться как отягчающее обстоятельство⁵. Вопрос же о том, может ли состояние опьянения учитываться как смягчающее обстоятельство, оставлен на усмотрение суда⁶.

⁵ Сложно согласиться с предположением, что состояние опьянения может учитываться как отрицательная характеристика личности преступника. Перечень отягчающих обстоятельств в ст. 63 УК – исчерпывающий. В этот перечень включены в том числе и обстоятельства, характеризующие личность преступника (рецидив, совершение преступления сотрудником органа внутренних дел). Кроме того, состояние опьянения никак не характеризует личность человека, если это эпизодическое, случайное опьянение. Если же лицо страдает алкоголизмом – это болезнь, которая требует не наказания, а лечения. Иначе решается этот вопрос, когда с опьянением связано повышение степени опасности совершенного деяния, например серьезность нарушения правил, установленных для ограждения общественной безопасности. Одно дело, если лицо в сложной ситуации проявило небрежность, не учло какие-то важные обстоятельства и не справилось с управлением воздушным судном, другое – если оно осознанно приступило к управлению им в состоянии опьянения.

⁶ В силу инерции (в УК РСФСР опьянение рассматривалось в качестве отягчающего обстоятельства) судьи не ссылаются в приговорах на опьянение как на смягчающее обстоятельство. Между тем действующий закон не исключает этого.

Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом также существенно ограничивает круг обстоятельств, которые могут учитываться при реализации дискреционных полномочий суда. Тем не менее даже прямо указанные в законодательном запрете дискриминации обстоятельства могут иметь правовое значение. Так, согласно ст. 4 УК лица подлежат уголовной ответственности независимо от пола, имущественного и должностного положения, “а также других обстоятельств”. Совершенно очевидно, однако, что эта норма требует не буквального, а ограничительного толкования. Основанием уголовной ответственности является состав преступления, т.е. именно совокупность обстоятельств (фактов), смягчающие и отягчающие обстоятельства учитываются при назначении наказания. Должностные (а не любые) лица подлежат ответственности за должностные преступления, а совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел указано в качестве отягчающего обстоятельства в ст. 63 УК. Согласно ст. 46 УК размер штрафа определяется судом с учетом имущественного положения осужденного и его семьи. Пожизненное лишение свободы не назначается женщинам (ст. 57 УК РФ). Таким образом, принцип равенства всех перед законом (ст. 4 УК) претворяется в жизнь во взаимосвязи с началами справедливости (ст. 6 УК), гуманизма (ст. 7 УК) и целесообразности⁷. По существу законы не гарантируют равенства всех людей во всех случаях применения права. Они лишь запрещают дискриминацию в отношении тех или иных социальных групп (социально полезных или нейтральных), действительно или потенциально испытывающих дискриминацию.

В действующем российском уголовном праве усмотрение предписано в двух типовых ситуациях:

- 1) при применении норм с оценочными признаками;
- 2) при индивидуализации наказания и применении иных мер уголовно-правового характера (освобождении от ответственности и наказания, применении норм об ответственности несовершеннолетних).

⁷ Законодатель не счел нужным указать на целесообразность как на самостоятельный принцип УК. Тем не менее основополагающий смысл этого начала вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

шеннолетних, принудительных мер медицинского характера)⁸.

Согласно действующему закону среди оценочных признаков базовое и универсальное значение имеет *общественная опасность деяния* в контексте его возможной малозначительности (ч. 2 ст. 14) УК.

Термин “общественная опасность” корнями уходит в социологическую школу уголовного права и на первый взгляд означает оценку опасности деяния именно в социологическом плане. Между тем очевидно, что, применяя уголовный закон, судья социологических исследований не проводит. Он оценивает конкретную жизненную ситуацию, руководствуясь профессиональным опытом (в том числе типичным применением закона в подобных ситуациях), здравым смыслом и нравственным чувством. При этом имеет место скорее социально-этическая, нежели социологическая оценка содеянного. Тем не менее, указывая на “малозначительность”, закон фиксирует внимание судьи прежде всего на размере причиненного ущерба, что исключает применение ч. 2 ст. 14 УК в случае причинения тяжких последствий (даже в исключительно неординарных ситуациях).

Профессиональный судья не применит ч. 2 ст. 14 УК РФ в случае причинения тяжких последствий даже при наличии исключительных обстоятельств, при которых обвиняемый заслуживает оправдания. Иначе поступают присяжные заседатели, которые иногда оправдывают лиц, совершивших весьма серьезные деяния, которые никак нельзя назвать малозначительными. Означает ли это нарушение судом присяжных норм права и можно ли считать такие оправдательные приговоры законными? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно правильно понимать роль народного элемента (в данном случае – присяжных заседателей) в уголовном судопроизводстве. В Концепции судебной реформы в РСФСР⁹ в качестве первого достоинства суда присяжных указано “привнесение в атмосферу казенной юстиции житейского здравого смысла и народного правосознания”. Присяжные – это судьи факта, т.е. они действуют в той сфере, где в принципе возможно судебское усмотрение, и они правильно используют эту возможность. Они не мотивируют свой вердикт, он обязателен для судьи, обязывает его вынести оправдательный приговор. И этот приго-

вор не подлежит отмене, т.е. считается законным и обоснованным приговором.

Тем не менее уголовный закон, подробно регламентируя понятие преступления и вины¹⁰, указав на малозначительность, исключает возможность понимания такого приговора в качестве законного. Имеет место противоречие процессуального и материального закона, недопустимое в контексте деонтической логики.

Следует отметить, что противоречие это существует лишь на уровне закона, но не на уровне права. Бытие права исключает противоречия, правовая неопределенность возможна лишь в качестве временной дисфункции права. В судебной практике противоречие процессуального и материального закона однозначно решено в пользу процессуального – приговоры, вынесенные судами присяжных, не отменяются на том основании, что присяжные неправильно установили факты, указанные в уголовном законе.

Соответственно, понятие преступления, данное в ст. 14 УК РФ, требует ограничительного толкования. Суды уже толкуют эту статью ограничительно, разрешая конкретные дела. И доктрина не вправе игнорировать это толкование, иначе изложение в доктрине правовой нормы не будет соответствовать правовой действительности.

Вывод первый: не является преступлением деяние, если лицо, его совершившее, признано судом невиновным в его совершении.

Вывод второй: виновность нельзя понимать исключительно в контексте психологической концепции, закрепленной в ст. 5 и 24 УК РФ. Бывают такие ситуации, когда лицо с умыслом или по неосторожности совершило деяние, запрещенное уголовным законом. Это деяние не является малозначительным. Тем не менее это лицо не является виновным в его совершении.

По существу речь идет о так называемой “оценочной”, или “нормативной”, концепции вины, реализованной в практике нашего суда присяжных.

В наиболее развитом виде нормативная концепция вины представлена сегодня в уголовном праве ФРГ, где вина понимается как социально-этическая упречность деяния, предосудительность умышленного или неосторожного поведения,

⁸ Закон не оставляет простора для судебское усмотрения при применении конфискации имущества. Эти нормы – полностью императивные.

⁹ Одобрена Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1.

¹⁰ Этим наш уголовный кодекс серьезно отличается от уголовных кодексов других государств с развитым правом порядком. Он напоминает скорее не закон, а краткий учебник, причем учебник довольно тенденциозный, выдержанный в духе одной далеко не бесспорной концепции.

основанная на свободе воли лица, его совершившего, возможности выбора им правомерного или неправомерного поведения.

В историческом контексте вопрос о вине всегда был одним из центральных вопросов уголовного права. В уголовном праве европейских стран в Средние века господствовала концепция наказания за вину, которая понималась в религиозно-этическом контексте как греховность. Критика этой концепции – одна из главных заслуг Ч. Беккариа, полагавшего, что наказание должно наступать не за вину, а за вредные для общества деяния, строго определенные в уголовном законе. Немецкий правовед А. Фейербах, развивая идеи “классической” школы уголовного права, отчасти восстановил уголовно-правовое значение вины, сформулировав формы вины в формально-психологическом аспекте, дав определения умысла и неосторожности, весьма близкие к дефинициям, закрепленным в нашем действующем УК. Формально-психологическое понимание вины допустимо ввиду того обстоятельства, что если преступление – это серьезный вред для общества и нарушение правопорядка, само по себе положительное или безразличное отношение к этому вреду заслуживает порицания и наказания. Но вот всегда ли это так либо все-таки имеются “времена и случаи”, когда лицо, совершившее запрещенное законом деяние, заслуживает оправдания? Вопрос этот остается дискуссионным по сей день. Начиная с конца XIX в. (не без исключений, конечно же) в германском правоведении и судебной практике господствует нормативная концепция вины.

Если отмечать общие долгосрочные тенденции, происходит постепенная формализация понятия вины как в правовых системах семьи общего права¹¹, так и в континентальной Европе. Основания – довольно высокое качество уголовного закона и развитие альтернатив уголовному преследованию и уголовному наказанию. В ФРГ судебское усмотрение при оценке вины сведено к минимуму, хотя и не упразднено полностью¹². В юридической литературе отмечается, что рассуждения о вине превращаются в общее место курсов уголовного права и не имеют большого

практического значения. Во французской доктрине, как и в российской, доминирует формально-психологическая концепция вины, но при этом в описании признаков конкретных преступлений широко используются оценочные признаки, причем оценка дается, как правило, в этическом, а не в социологическом аспекте.

Российская наука уголовного права формально-психологическую концепцию вины заимствовала в Германии в XIX в. Исторические перипетии XX в. прервали живую связь немецкой и российской юридической науки. Советскому “народному суду” нужны были простые законы, и формально-психологическая концепция вины вполне отвечала этому качеству. Тем не менее в 50-е годы оценочная концепция вины обсуждалась в научной юридической литературе¹³. Но она была отвергнута на политическом уровне после осуждения “культы личности” Сталина как подрывающая социалистическую законность. Формально-психологическая концепция вины доминирует в нашем правоведении по сей день, хотя последнее время, в особенности после введения суда присяжных, у оценочной концепции вновь появились новые сторонники.

Нужно отметить, что оценочная концепция вины не связана исключительно с судом присяжных. В ФРГ, к примеру, вовсе нет суда присяжных, все приговоры по вопросам факта мотивируются. В СССР тоже не было суда присяжных, когда Б.С. Утевский предложил свою теорию.

Имеется ряд преимуществ деформализации понятия преступления с помощью оценочной концепции вины (в сравнении с ее деформализацией с помощью оценочной концепции “общественной опасности” и “малозначительности”):

а) оценочная концепция вины более точно и правдиво отражает правовую действительность, поскольку судьи и (в особенности) присяжные заседатели при оценке содеянного в качестве преступления прибегают не к социологическим изысканиям, а к профессиональному и житейскому опыту, здравому смыслу и чувству справедливости;

б) оценочная концепция вины позволяет уйти от требования к “малозначительности” деяния, что в действительности уже имеет место на практике;

в) социально-этическая оценка поступка является более полной, нежели социологическая. Она

¹¹ См.: Есаков Г.А. *Mens rea* в уголовном праве Соединенных Штатов Америки. М., 2003.

¹² На русском языке современное германское учение о вине наиболее полным образом изложено в: Жалинский А.Э. *Современное немецкое уголовное право*. М., 2003. С. 210 и далее. В историческом контексте учение о вине в немецком уголовном праве подробно исследовано в: Рарог А.И. Критика “принципа вины” в уголовном праве ФРГ // Труды ВЮЗИ. 1966. Т. 5.

¹³ См.: Утевский Б.С. *Вина в советском уголовном праве*. М., 1950.

содержит гарантии не только целесообразного, но и нравственного решения вопроса¹⁴;

г) оценочная концепция вины более точно отражает смысл слова “вина” в русском языке¹⁵.

В качестве недостатка оценочной концепции вины обычно указывают на возможность злоупотреблений со стороны коррумпированных судей в части необоснованного вынесения оправдательных приговоров. Представляется, тем не менее, что слухи о коррумпированности судейского корпуса в России не соответствуют действительности. Эмпирические данные и личный опыт не подтверждают этих слухов. Наши судьи (подавляющее большинство их) вполне заслуживают доверия в этом вопросе. Суды общей юрисдикции остаются наименее подверженными коррупции органами государства. Проблема с судьями прямо противоположная – обвинительный уклон и практическое отсутствие оправдательных приговоров.

Наряду с “базовыми” оценочными признаками, общественной опасностью и (потенциально) виной в статьях Особенной части УК РФ предусмотрены частные оценочные признаки, характерные для конкретных преступлений. В большинстве случаев они имеют социологический характер и указывают прямо или косвенно на ту же самую “малозначительность”, к примеру “существенный вред” при самоуправстве. Но имеются оценочные признаки “социально-этического свойства”, к примеру “низменные побуждения” при подмене ребенка, “грубость” нарушения общественного порядка при хулиганстве.

Заметим, что попытки формально и строго определить значение тех или иных оценочных признаков основаны на непонимании того обстоятельства, что, предоставив суду дискреционные полномочия, закон оставляет этот вопрос на решение судьи. Ограничение судейского усмотрения по этим вопросам не должно иметь места. При этом могут быть полезны те или иные рекомендации, но не формальные строгие предписания. Конечно же, вышестоящая судебная инстанция может не согласиться с оценкой судьи и отменить на этом основании его решение. Но такое постановление вышестоящей инстанции (как и решение суда

первой инстанции) должно быть мотивировано ссылками на конкретные факты, которые суд не учел или учел неправильно.

Серьезные возражения вызывают перечни “низменных побуждений” в комментариях законодательства. Они могут ввести суд в заблуждение. Как, к примеру, можно строго провести грань между карьеризмом и стремлением к служению Отечеству? Вопрос о низменности побуждений должен быть решен судьей в каждом конкретном случае с учетом всех значимых обстоятельств дела. Особого упоминания заслуживает такой оценочный признак, как “злость”. На первый взгляд этот признак сформулирован как социально-этическая оценка поведения, но в большинстве случаев, например при уклонении от уплаты алиментов, он превратился в маскировку административной преюдиции.

Как формализация, так и деформализация призваны обеспечить реализацию целей и задач уголовного права. Чем ниже качество закона, тем большее значение приобретает судейское усмотрение при его применении. В качестве примера можно привести несколько характерных погрешностей в законодательстве об ответственности за кражу.

Федеральный закон “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение” от 22 июня 2007 г.¹⁶ должен был ознаменовать победу над гиперинфляцией, в связи с чем в КоАП были внесены изменения: “минимальные размеры оплаты труда” во всем тексте закона были заменены “ста рублями”. Это было сделано и в отношении мелкого размера хищения, который был определен в сумме 100 руб. Данное нововведение не было социально обусловлено. Имела место явная неточность, которая была исправлена через год Федеральным законом “О внесении изменений в статьи 3.5 и 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” от 16 мая 2008 г.¹⁷ На самом деле в практике в это время при определении размера мелкого хищения учитывался минимальный размер оплаты труда, равный 1100 руб., что противоречило букве Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда” от 19 июня 2000 г.¹⁸, его ст. 3, но точно соответствовало смыслу статьи КоАП о мелком

¹⁴ К сожалению, нравственность законодателя и тем более закона вовсе ничем не гарантирована.

¹⁵ К примеру, мы не признаем сознание достоянием животных. Тем не менее, если у вас дома живут две кошки, и только одна из них сделала лужу, именно она в этом и виновата. Вина – это нечто предосудительное, за что можно упрекнуть. Кошка – достаточно развитое животное, у нее была возможность не нарушать правил и не вредить, но, тем не менее, она сделала это, за что заслуживает порицания.

¹⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 26. Ст. 3089; 2010. № 1. Ст. 1.

¹⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2259.

¹⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2000. № 26. Ст. 2729; 2011. № 23. Ст. 3246.

хищении. После вступления в силу нового закона остро встал вопрос о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших, по существу, мелкие хищения (в основном – кражи в магазинах самообслуживания). Когда подобные дела с обвинениями по ч. 1 ст. 158 УК РФ стали поступать в суды, позиции судей разных судов были различны. Причем единообразия так и не удалось достичь в течение короткого срока действия неточного закона. Правильной представляется позиция судей, применявших ч. 2 ст. 14 УК РФ и признававших деяние малозначительным.

Федеральным законом “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 30 декабря 2006 г.¹⁹ внесены изменения в ст. 158 УК. Любые трубопроводы (включая водопроводы) были признаны хранилищем. Встал вопрос о квалификации по ч. 2 ст. 158 УК РФ действий огородников, поливавших свои огороды водой из ближайших колодцев. Тем же законом в ч. 3 ст. 158 УК РФ в качестве квалифицирующего признака указана кража из любого газопровода (не только магистрального). Встал вопрос о квалификации по ч. 3 ст. 158 УК РФ действий граждан, которым газ был отключен за неуплату, самовольно подключивших себе газ (в ряде регионов это – массовое явление), и всех членов их семей, самовольно пользовавшихся газом. При этом ст. 7.19 КоАП предусматривает за те же самые действия (самовольное подключение к энергетическим сетям, нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, а равно самовольное (безучетное) использование электрической, тепловой энергии, нефти, газа или нефтепродуктов) административную ответственность в виде штрафа до 2 тыс. руб. (для граждан) и до 40 тыс. руб. (для организаций). Отграничение административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП, от тяжкого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ, можно провести исключительно по критерию малозначительности. Это – вопрос судейского усмотрения, вопрос факта, вопрос профессионализма и совести судьи.

Толкование закона и правовая неопределенность

Если неизбежная неточность закона рождает необходимость оставить пределы судейскому усмотрению, то его непонятность (столь же неизбежная) влечет необходимость его толкования.

Ч. Беккариа напрасно отрицал право судей толковать закон “исключительно в силу того, что они не являются законодателями”. Лишь на первый взгляд работа судьи столь проста, как представлялась ему: “По поводу всякого преступления судья должен построить правильный силлогизм, в котором большой посылкой служит общий закон, а малой – конкретный поступок, противоречащий или соответствующий закону; заключение – оправдание или наказание”²⁰.

Именно в “построении” силлогизмов и состоит толкование. На самом деле толкование закона, причем правильное его толкование, уяснение его действительного смысла – это не право, а обязанность судьи. Непонятность закона – неизбежное следствие уже упомянутых несовершенств языка и формальной логики. Закон – это текст. Чтобы его применить, необходимо уяснить его смысл применительно к конкретной жизненной ситуации, необходим переход от формы права (закона) к его содержанию (норме права). С одной стороны, нужно уяснить смысл закона (вопросы права). С другой – нужно уяснить смысл жизненной ситуации (вопросы факта). Затем правильно изложить эти смыслы средствами языка. И лишь потом “правильный силлогизм” будет построен.

Несовершенство закона – это объективная реальность, отрицание которой утопично и ненаучно. Наиболее наглядно это обстоятельство обосновано в герменевтике²¹. Герменевтика многолика: есть философская герменевтика, есть герменевтика как наука о толковании текстов. Для уяснения этого вопроса вполне достаточно научной герменевтики, элементарных ее начал, достаточно уяснить проблему герменевтического круга. Или можно прибегнуть к простому житейскому опыту, чтобы понять, что один и тот же текст разные люди понимают по-разному. Поэтому людям и нужны юристы, а компьютеры с их безупречной логикой не могут заменить судей.

Конечно же, чем выше качество закона, тем проще уяснить его действительный смысл. Но в нашей ситуации с качеством закона серьезные проблемы, что делает вопрос о правильном его толковании весьма болезненным.

Начиная изучение уголовного права, студенты запоминают, что по объему толкование закона бы-

¹⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 46.

²⁰ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 75.

²¹ Основы герменевтики многим нашим правоведам представляются тайной за семью печатями. Между тем еще в 1988 г. в издательстве “Прогресс” опубликован на русском языке один из основополагающих трудов в этой области: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

вает буквальным, ограничительным и расширительным. К моменту защиты ученой степени многие из них, заразившись радикальным легализмом, уже забывают об этом, считая буквальное толкование закона единственно верным. Сталкиваясь с ограничительным или расширительным толкованием закона (причем правильным его толкованием в точном соответствии с его действительным смыслом), они усматривают в этом недопустимый выход за пределы судебного усмотрения, видят пробелы в уголовном праве, требующие законодательного решения. Начинаются дискуссии про союзы “и”, “или” и “и (или)”²².

В качестве единственно правильного решения предлагают бесконечный бег по кругу к недостижимой цели – совершенному законодательству, что на самом деле делает его все менее системным и понятным.

Правоприменителю навязывается буквальное толкование закона, которое противоречит его действительному смыслу, не согласуется со здравым смыслом, ломает существенные связи в системе права.

В социальном плане максима “законы для людей” подменяется тезисом “люди для законов”. Закон становится бесполезным или вредным, не достигает социально значимых целей.

В правоведении системное догматическое исследование (*уяснение смысла текста закона применительно к типичным ситуациям с учетом его социально значимых целей*) подменяется крючкотворством, форма права отрывается от его содержания.

Как ограничительное, так и расширительное толкования закона могут быть правильным его толкованием. В этих случаях неправильным будет его буквальное толкование. Следует только грамотно отграничивать расширительное толкование закона от запрещенной аналогии. Если толкование закона направлено на уяснение его действительного смысла, уяснение реального содержания правовой нормы, то аналогия – это способ восполнения пробелов в законе, применение сходной правовой нормы в ситуации, не урегулированной существующей нормой права.

Следует учитывать, что применительно к толкованию закона (т.е. к содержанию права, смыслу норм права) проблема судебного усмотрения не имеет прямого отношения. Это разные проблемы. В этом Ч. Беккариа абсолютно прав: “Если же судья по принуждению или по собственной воле построит не один, а два силлогизма, то тем самым он откроет лазейку неопределенности”.

Судейское усмотрение возможно только по вопросам факта, когда в законе “времен и случаев нет”, и решение принимается с учетом всех обстоятельств дела. По вопросам права принцип правовой определенности исключает судебское усмотрение. Возможно правильное применение закона и его неправильное применение. Места для усмотрения не остается.

Правовая неопределенность – это дисфункция права, временная нездоровая ситуация, отсутствие единообразия в применении закона, чреватое высоким риском неправильного его применением. Само бытие правовой системы выработало механизмы устранения этого состояния.

В правовой семье общего права ключевым механизмом преодоления правовой неопределенности является обязательность судебных прецедентов.

В континентальной Европе эту функцию выполняет правовая доктрина, внимательно отслеживающая практику применения закона. Немецкие и французские учебники уголовного права пестрят многочисленными сносками на ключевые судебные решения. В результате людям известно содержание правовых норм. Изменение судебной практики по тому или иному вопросу вызывает дискуссии, активно обсуждается в юридических изданиях. Всякое подобное изменение долго зреет и не проходит незаметным. Тем самым обеспечивается правовая определенность. Так было в России и до 1917 г., и в лучшие годы в период стабильности правовой системы СССР. Непонятность закона, правовая неопределенность – временное явление, если известна судебная практика и обеспечено единообразие при ее применении.

В течение прошлого столетия Россия пережила несколько революций и радикальных реформ. При этом изучение судебной практики было усложнено прекращением систематического ее опубликования²³. В целях обеспечения правовой определенности в столь сложных условиях был создан уникальный дополнительный инстру-

²² Русское законодательство много веков успешно обходилось без союза “и (или)”. Оно было вполне понятным и разумным. Но вот в наше время мальчишку, нашедшего утерянный кем-то телефон, судят за кражу только на том основании, что законодатель решил использовать для “уточнения” текста закона в понятии хищения союз “и (или)”, а уголовную ответственность за присвоение найденного из гуманизма упразднил.

²³ Бюллетени советских верховных судов лишь в малой мере смогли заменить сенатские сборники кассационных решений.

мент – разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, особая форма судебного толкования закона, толкование-разъяснение, подчас весьма полезное. Рассмотрим конкретную ситуацию. Одна из наиболее интересных статей УК РФ в контексте рассмотренных вопросов, типичный пример нашего современного законодательства – ст. 228² в ред. Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры” от 19 мая 2010 г.²⁴ Для удобства читателя приведу текст диспозиции ч. 1 этой статьи:

“1. Нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ либо их прекурсоров, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, правил культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности, а также нарушение правил хранения, учета, реализации, продажи, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, повлекшее утрату таких растений или их частей, если это деяние совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил”.

Закон очень сложен и, похоже, законодатель не смог точно и понятно изложить свою волю. В частности, неясно, относится ли “утрата” только к растениям (их частям) либо также к наркотическим средствам, психотропным веществам,

их прекурсорам и др. Соответственно, возможны три варианта толкования:

1) нарушение правил оборота всех указанных в статье предметов влечет уголовную ответственность лишь в случае, если это повлекло утрату именно растений и их частей (один из вариантов “буквального” толкования);

2) уголовная ответственность предусмотрена за любые нарушения правил оборота наркотических веществ и иных указанных в статье предметов (за исключением растений и их частей), даже если это не повлекло их утрату (один из вариантов “буквального”), а для растений (их частей) требуется утрата;

3) уголовная ответственность предусмотрена за нарушения правил оборота наркотических веществ и иных указанных в статье предметов, если это повлекло их утрату (небуквальное толкование. Поскольку закон непонятен, его можно считать расширительным в сравнении с вариантом 1 и ограничительным в сравнении с вариантом 2).

Первые два варианта толкования противоречат здравому смыслу и не достигают социально значимых целей. Правильное толкование находим в п. 21 Постановления Пленума от 15 июня 2006 г. № 14²⁵ в ред. Постановления от 23 декабря 2010 г. № 31²⁶: “... для определения наличия состава данного преступления необходимо установить, что нарушение... правил... повлекло утрату одного или нескольких указанных объектов”, т.е. не только растений (их частей), но и других предметов.

Но и в контексте этого толкования точность закона (в контексте достижения социально значимых целей) не гарантирована. В частности, он предусматривает уголовную ответственность за утрату бутылки ацетона или любого оборудования для наполнения ампул (в том числе за неосторожное их повреждение, если ремонт не окупается). В подобных ситуациях суд может признать деяние малозначительным и применить ч. 2 ст. 14 УК РФ, мотивировав свое решение.

²⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 21. Ст. 2525.

²⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда. 2006. № 8.

²⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.